

ГУСЕВА А. А., КЛЕЦИНА Е. А.

СЮЖЕТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ПЕЙЗАЖА

В РОМАНЕ «ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ» А. В. ИВАНОВА

Аннотация. В статье рассматривается сюжетобразующая роль пейзажа в романе «Географ глобус пропил» А. В. Иванова. Доказывается, что характерными чертами пейзажа в творчестве А. В. Иванова являются энергичность, философичность, мощь, выражающаяся в способности заполнить собой все художественное пространство.

Ключевые слова: пейзаж, А. В. Иванов, роман, сюжетобразующая роль, художественный прием.

GUSEVA A. A., KLETSINA E. A.

LANDSCAPE IN THE NOVEL "GEOGRAPHY TEACHER DRANK AWAY HIS GLOBE" BY A. V. IVANOV: THE PLOT-FORMING FUNCTION

Abstract. The article considers the plot-forming function of the landscape in the novel "The Geography Teacher Drank Away his Globe" by A. V. Ivanov. It is proved that the features of the landscape in the literary works of A. V. Ivanov are energy, philosophy, power, expressed in the ability to fill all the artistic space.

Keywords: landscape, A.V. Ivanov, novel, plot-forming role, literary technique.

Творчество А. В. Иванова сегодня воспринимается как чрезвычайно актуальное и с точки зрения тематики, и с точки зрения жанровой ориентированности, и с точки зрения восприятия современности, и с точки зрения выбора исторических маяков. Писатель энергично работает, создавая романы, привлекающие нетривиальным сюжетом, чувством времени, сложной персонажной системой, хорошим языком, стилем: «Географ глобус пропил», «Сердце пармы», «Золото бунта, или Вниз по реке теснин», «Общага-на-Крови», «Блуда и МУДО», «Ненастье», «Тобол». Действие всех произведений А. В. Иванова происходит на Урале – величественном и прекрасном, исполненном магии, чудес, космичности, населенном поэтами, богатырями, шаманами.

А. В. Иванов – писатель, настойчиво вводящий в повествование пейзаж, отличительными чертами которого являются энергичность, философичность, мощь, выражающаяся в способности заполнить собой все художественное пространство. При этом пейзаж, во-первых, нисколько не поглощает Человека; во-вторых, по-разному ведет себя, решая разные художественные задачи, поставленные перед ним автором. Например, в романе «Золото бунта, или Вниз по реке теснин» пейзаж так же активен, как главный герой – Остапа Переход, жизнь которого такая же бурная, преисполненная опасности, неожиданных

поворотов, как и река Чусовая; такая же таинственная, насыщенная тайнами и вопросами без ответов, как и Уральские горы.

А в романе «Географ глобус пропил» природа, кажется, не имеет того неистового характера, который есть у нее в «Золоте бунта». Она внешне более статична, более закрыта, менее inferнальна и страстна, но более философична, она менее действует, но более созерцает. Одним словом, она под стать центральному герою – поэту и мыслителю Виктору Служкину [5]. Герой А. В. Иванова не созвучен времени, но абсолютно адекватен Природе, Пермскому космосу. Учитель постоянно стремится покинуть границы города: его привлекают окраины и безграничный мир уральских гор и рек. В этой связи пейзаж в романе «Географ глобус пропил» соперничает со Служкиным в претензии на роль центрального персонажа.

«Редкие рощицы на склонах внизу срастались в сплошную полосу вдоль извилистой речки, которая словно бы состегивала, как шов, два крыла долины. Ветер расчистил небо, слепив остатки облаков в несколько грандиозных массивов. Их лепные, фигурные, вычурные башни висели в неимоверной толще химически яркой синевы, которая, казалось, столбом уходит от Земли вверх во вселенную. Солнце горело, словно бесконечный взрыв» [2, с. 173] – представление реки, сравниваемой со швом, соединяющим «два крыла долины» создает оксюморонную метафору: долина, по существу принадлежа земле, будучи сравненной с крыльями, превращается в отраженное, перевернутое небо и начинает символизировать «небесность», легкость, свободу, чистоту, божественность, величественность, т. е. все то, к чему не может остаться равнодушным духовно совершенный человек. Природа поражает юных спутников Служкина – девятиклассников, никогда не покидавших бетонных пределов города, урбанизированных душой и телом, загнанных школой в узкий коридор псевдожизни – безграничностью, могучей красотой, и они легко отзываются на призыв прекрасного. Таким образом, одна из задач учителя-поэта – открыть глаза и души детей и заставить их увидеть большой мир – оказывается решенной. Большой мир каждому из них дает возможность воспринять себя большим человеком, титаном и освободиться от навязываемого понимания себя неразличимой единицей организованной толпы. Смелость, проявленная подростками, которые предпочли необъятное раздолье реки узкому школьному коридору, совершенно точно спроецируется ими на жизнь после школы.

А. В. Иванов открывает философию реки и горы и передает свое понимание герою и читателю: «В громаде Шихана, угрюмо нависшей над долиной, было что-то совершенно дочеловеческое, непостижимое ныне, и весь мир словно отшатнулся от нее, образовав пропасть нерушимой тишины и сумрака. От этой тишины кровь стыла в жилах и корчились хилые деревца на склоне, пытающиеся убежать, но словно колдовством прикованные к

этому месту» [2, с. 204]; «Не просто огромная, а чудовищно огромная скала, как гребенчатый динозавр в траве, лежит на левом берегу в еловых дебрях. На общем скальном фундаменте, вдоль которого летит Поныш, громоздятся два кривых утеса. Левый сверху расколот на три зубца, а правый расщеплен на четыре. И между утесами фантастическим сверлом ввинчивается вверх, разбухая на конце, узкая щербатая башня – Чертов Палец. Семь пиков – семь Братьев, скала Семичеловечья. Еловые копыя вонзаются Братьям под ребра» [2, с. 207]. Писатель здесь отсылает читателя к легенде народа манси («Семь пиков – семь Братьев, Скала Семичеловечья»), по которой на вершине горы в пасмурную погоду заблудились семеро манси и превратились в камни. А. В. Иванов, как и многие его современники, активно использует фольклорный материал для создания особенного, уникального художественного мира [4; 6]. И это ему великолепно удается сделать в каждом произведении. Заметим, что А. В. Иванов не просто вставляет тот или иной фольклорный текст в структуру своего романа. Как правило на фольклорную основу он накладывает собственную концепцию аутентичного сюжета и изменяет его до неузнаваемости.

Природа у А. В. Иванова притягивает своей древностью, загадочностью, мистичностью, олицетворенностью. Подземное, земное и воздушное пространство Урала изображается им как безграничный космос, волнующий, манящий, пугающий, притягивающий человека. Служкин уже подвластен каскаду этих переживаний, а на его учеников он вдруг обрушивается, когда они оказываются в «свободном полете»: самостоятельно управляют плотом, движущимся по опасной реке, самостоятельно ищут верную дорогу среди горных троп, самостоятельно осваивают лес, пытаются раздобыть дрова для костра и т.д.

Вечный мифический мир, поначалу легко впускающий в себя ивановского героя («Темнота словно бы поднималась из глубины земли, из глубины реки, как подпочвенная вода. Уже затлели искры бакенов на черной равнине Камы, а небо все еще оставалось светлым, и от этого всем было видно, как же оно высоко – так долго приходится добираться до него тьме. Но тьма все-таки добралась и погасила небо, оставив лишь огни звезд» [2, с. 185]), затем не готов его освободить.

Служкин чувствует природу, проникает в нее, одухотворяется ею, река для него – источник вдохновения. Он воспринимает её как нечто, наделенное душой, характером, чувствами: Поныш – это своевольный, разгульный, опьяневший от свободы молодой буйн, в котором кипит кровь, он драчун и силач, злой, безжалостный, но притягательный: «поток стремительно нес сорванные ветки, источенные льдины, куски мха и дерна, недогнившую листву, обломки коры, черную траву. На стволы деревьев накрутило юбки из бурого мочала. Грязная пена тянулась по быстротоку, сбивалась в комья над водоворотами.

Поныш был мутным, как самогон» [2, с. 211]. Поныш – проснувшаяся стихия, словно одурманенная хмелем и взбешенная, ничего не щадящая на своем пути.

Река Ледяная «совершенно иная. Глубокая, спокойная и ровная вода мерно и мощно идет в крепких берегах. Ложе реки емкое, и половодье не переливается за края, смешивая твердь и хляби. Здесь все кажется движущимся по прочному, надежному, многократно себя оправдавшему порядку. На Поныше весна была катастрофой. На Ледяной весна – величественный, издревле ведущийся ритуал» [2, с. 212]. Служкин чувствует натуру обеих рек, их настроение, к мальчишкам осознание этого придет только к концу похода.

Река – жизненная линия, связывающая настоящее и прошлое, в ней живет история. Например, Ледяная хранит память о походах Ермака, о «бойцах, что встают из тальника», о битвах и подвигах. Даже в «Географе», трактуемом как роман о современности, писатель актуализирует исторический контекст своего отечества, обращаясь к сложным, бурным, революционным событиям (см. об этом [1]; [3]). Река для него, видимо, олицетворение мира – в ней древность, космическая мудрость, своевольность и предопределенность одновременно, у нее, как и у человека, есть судьба.

Проникновение девятиклассников в глубину уральской природы превращается в странствие по истории их страны. Оказавшийся на их пути заброшенный храм воспринимается ими как портал в другое время, в параллельное пространство: «К храму не ведет ни единого следа. На склоне торчат столбики былой ограды. Кое-где снег лежит рельефными узорами – это на земле валяются прясла ажурной чугунной решетки. Старый вход заколочен. Окна алтаря заложены кирпичом» [2, с. 356]. Полуразрушенная церковь – отголосок прошлого и характерная деталь настоящего. Элемент фрески, которую забирает на память один из учеников, есть для него примета истории, означающая, что прошлое реально и живо.

С холма, на котором стоит храм, открывается удивительный вид: «Сверху, с холма, от стен храма, как из космоса, обозревается огромное пространство. Широкая сизая дуга Ледяной, волнистые зыбкие леса до горизонта, строчка выбегающего из тайги Поныша, шахматные прямоугольники поселка. Пространство дышит в лицо каким-то по-особенному беспокойным ветром. Вдуваются громады облаков, и в них грозно и неподвижно плывет колокольня» [2, с. 356]. Храм для юношей оказывается высшей точкой в восприятии собственной сущности.

Городской пейзаж в «Географе» сталкивается с описаниями аутентичной природы. В нем уже нет ярких красок, преобладают тусклые оттенки: «К утру газоны становились седыми, а воздух каменел. Люди шли сквозь твердую, кристальную прохладу, как сквозь

бесконечный ряд вращающихся стеклянных дверей. На заре по Речникам метлою проходил ветер и обдувал тротуары, отчего город казался приготовленным к зиме, как покойник к погребению. Но снега все не было. И вот будто стронулось само время – первый снег хлынул как первые слезы после долгого, молчаливого горя» [2, с. 67]. В городе Служкин словно вынужденно смотрит черно-белый фильм. Даже первый долгожданный снег в пространстве города отзывается слезами. Но и здесь способность А. В. Иванова к мифологическому мышлению рождает соответствующие образы: городская прохлада превращается в многосложную стеклянную преграду для солнца; воздух обретает твердую форму; небо то куда-то исчезает, то возвращается в образе монстра. «Небо было белое и неразличимое, словно его украли» [2, с. 74], «медузой обвисало рыхлое и дряблое небо» [28, с. 88]); солнце начинает задыхаться, будучи словно обернутым в пищевую пленку.

В художественной литературе обычно психологическое или физическое состояние героя иллюстрируется посредством пейзажных зарисовок (см. об этом [7]). В «Географе» наблюдается абсолютное единство героя и мира, они существуют в общем потоке времени, пространства и чувства, управляемые одними и теми же силами космоса: «Струятся мимо заснеженные берега, уставленные полосатыми, бело-сизыми пирамидами елей. Облачные валы бугристыми громадами висят над рекой, сея снег. Повсюду слышен очень тихий, но просторный звук – это снег ложится на воду. Серые, волокнистые комья льда звякают о лопасти весел. В снегопаде даль затягивается дымкой. Ни просвета в небе, ни радости в душе. Тоска» [2, с. 112].

В другом эпизоде, созерцая природу, Служкина поражает ее стихийность, неуправляемость, её дикая мощная красота: «Поныш стремительно катится среди ельников – блестящая, янтарная от заката дорога между двух черных, высоких заборов. Над рекой стоит шум – журчат кусты, гулом отзывается пространство. Мимо нас совсем рядом – хоть веслом дотянись – мелькают еловые лапы. Вечер сгустил все краски, в цвета тропических рыб расписал хвосты и плавники облаков. Дикий, огненный край неба дымно и слепо глядит на нас бездонным водоворотом солнца. Надувная плошка и пригоршня человечков на ней – посреди грозного таежного океана. Это как нож у горла, как первая любовь, как последние стихи» [2, с. 321]. И вновь перед нами мифологическая картина, некоторым образом отсылающая к «Одиссее» Гомера, в частности к эпизоду, в котором Одиссей пытается проплыть между Сциллой и Харибдой и оказывается в центре гигантского водоворота. Служкин своим взором охватывает все земное пространство: воду, небо и землю и в самом деле чувствует себя древним героем, равным богам. Парадоксальным образом это величественное самовосприятие исчезает у него, когда он оказывается в пределах своей городской квартиры или школьного кабинета. Их замкнутое пространство словно берет в

плен интеллектуала-богатыря Служкина, а вместо него подкидывает человека в мятой майке и «драных трико», небритого, с вечной бутылкой пива или водки в руках, бесцельно валяющегося на диване и играющего с котом. Возможно, для того чтобы прогнать этого псевдочеловека, Географ постоянно стремится за пределы города, на уральский простор, где вновь превращается в себя настоящего.

Находясь посреди природной стихии, Служкин размышляет: «Я безответно-глухо люблю Машу, люблю этот мир, эту реку, люблю небо, луну и звезды, люблю эту землю, которая дышит прошедшими веками и народами, люблю эту бессмертную горечь долгих и трудных верст» [2, с. 420]. Учитель обладает уникальным даром любви, проникновенности, сопряженности с природой. Он чувствует и видит малейшие изменения, которые в ней происходят. Он хочет, чтобы его ученики тоже научились воспринимать эту красоту. Только находясь в гармонии с природой можно найти гармонию внутри себя: тоскует природа – тоска в душе Служкина («Ни просвета в небе, ни радости в душе» – [2, с. 288]), грохочет небо – содрогается сердце героя («Страшный грохот вновь перетряхивает душу, отзываясь ударом ужаса по нервам» – [2, с. 319]); «в траве повсюду, как горошины, разбросаны бледные подснежники. Запах их неуловим, но одуряющ, как вкус талой воды. Я набираю целый пучок полупрозрачных, нежных, еще помнящих мороз колокольчиков. Сердце мое словно оголяется от их застенчивой, неброской красоты» [2, с. 325]. Именно такие моменты в романе полноценно раскрывают характер и внутренний мир героя.

«Похмелье, плохая погода – они не только в моем теле, не только в природе. Они в душе моей. Это у души трясутся руки и подгибаются ноги. Это у нее мутно в голове и ее тошнит. Это в ней идет дождь и холод лижет кости» [2, с. 333], – здесь «переживания» стихии и эмоциональная позиция Географа снова совпадают. Автор создает такую композицию для этого эпизода, чтобы наиболее точно передать душевное и физическое состояние героя – состояние, когда внутренний ужас сменяется прекрасным и желанным одиночеством. Для Географа одиночество – не страдание, а возможность вернуться к себе, говорить с собою, читать и сочинять стихи, погрузиться в состояние физической, эмоциональной и интеллектуальной чистоты. Для него созерцание себя так же благотворно, как и созерцание родного края – гор, рек, равнин, пещер, его наполняющих. Можно сказать, что пейзаж играет не только сюжетобразующую роль в романе, но выполняет и жизнеобразующую функцию в судьбе главного героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гераськин Т. В., Шаронова Е. А. Художественное осмысление крестьянской войны 1670-1671 гг. в романе К. Г. Абрамова «За волю»: научно-образовательный контекст // Интеграция образования. – 2015. – Т. 19. – № 1 (78). – С. 141–148.
2. Иванов А. В. Географ глобус пропил. – М.: АСТ, 2015. – 443 с.
3. Осовский О. Е. Идеология и идеологические мифы в пространстве литературы XX века // Филология и культура. – 2011. – № 24. – С. 215–219.
4. Шаронова Е. А. Сказочные мотивы в творчестве современных писателей: иронический контекст (Л. Филатов «Про Федота-стрельца, удалого молодца», А. Шаронов «Иван и Жар-птица») // Комическое в русской литературе XX-XXI вв.: мат. Междунар. науч. конф. – М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2012. – С. 334–349.
5. Шаронова Е. А. Концепция героя в романе А. В. Иванова «Географ глобус пропил» // Новая наука от идеи к результату: Междунар. научн. периодич. изд-е. – Стерлитамак: АМИ, 2016. – С. 175–178.
6. Шаронова Е. А. Сюжетообразующая роль песни «Не по плису, не по бархату хожу, а хожу, хожу по острому ножу...» в романе «Обитель» Захара Прилепина // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа : сб. докладов всероссийской (с международным участием) науч. конф. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2015. – С. 144–147.
7. Шаронова Е. А., Гудкова С. П. Н. М. Карамзин «Бедная Лиза» и Л. Н. Толстой «Анна Каренина»: специфика художественного диалога // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9–2 (75). – С. 73–75.